

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

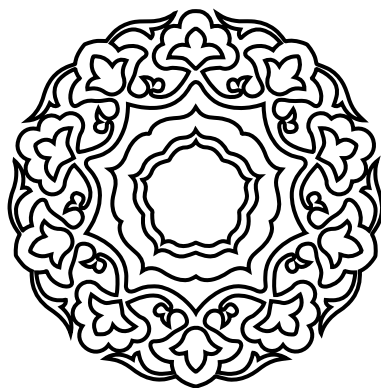
И.А. Аржанцева

ХОРЕЗМ

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1937-1959 ГГ.

Этнографический альбом

УЛЬЯНОВСК
2016

УДК 939.2/.3+930.26+502.77

ББК 63.3(543.0)+63.443(5)-4+63.529(54)-5

ISBN 978-5-9908833-0-7

А80 Аржанцева И. А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: ООО "Артишок", 2016. — 288 стр., 655 илл.

Этнографический альбом создан на основе уникальных материалов из архива Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, собранных российскими учеными во время работы Хорезмской экспедиции за период 1937–1959 гг. В альбом включены фотографии этого периода, рисунки, чертежи, отрывки из полевых дневников, отчетов, воспоминания участников.

В первой части книги даны сведения по истории открытия и исследования цивилизации Древнего Хорезма, традиционных комплексов культуры, местных этнографических групп. Подробно освещены начальный этап экспедиции — открытие Хорезмского оазиса, археологические работы на ключевых памятниках Топрак-кала, Кой-Крылган-кала, Джанбас-кала, плато Устюрт, работы этнографических отрядов в Каракалпакии в 40–50-е гг. Вторая часть содержит иллюстративные этнографические материалы. Издание предназначено для широкого круга читателей, специалистов смежных дисциплин, преподавателей и студентов.

Ответственный редактор серии «Этнографический альбом» академик РАН В. А. Тишков

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Русского Географического общества,
проект № 07/2015-Р от 15 сентября 2015 г.

© Графические и фотоматериалы
из архива Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016

© Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016

© И. А. Аржанцева, текст, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института Этнографии АН СССР (1937–1997 гг.) являлась крупнейшей и наиболее протяженной во времени экспедицией не только в Советском Союзе, но и в мировой археологической практике. По территориальному охвату, количеству исследованных памятников и опубликованных материалов, по сложности организации и комплексному подходу к археологическим и этнографическим изысканиям эта экспедиция до сих пор не имеет аналогов.

О самой экспедиции и о ее основателе и бессменном руководителе (до 1965 года) С. П. Толстове написано немало как в научной, так и в художественной литературе (Хорезмская экспедиция, пожалуй, единственная, которой посвящено такое количество научно-популярной и художественной литературы). Многие участники экспедиции, начиная с самого С. П. Толстова, обладали безусловным литературным даром. Так появились книги В. Д. Берестова, археолога по образованию, ставшего впоследствии известным детским писателем; М. И. Земской, проработавшей долгое время в археологических и этнографических отрядах ХАЭЭ; А. В. Виноградова, профессионального археолога; Г. П. Снесарева, профессионального этнолога; журналиста Рудольфа Бершадского.

Эта экспедиция для археологов-ориенталистов была тем же, чем была Новгородская экспедиция для археологов и историков, занимающихся историей и археологией Древней Руси. С той лишь разницей, что деятельность Новгородской экспедиции связана с одним городом и историческим периодом, а работы Хорезмской экспедиции проходили на территории трех республик — Узбекистана, Казахстана и Туркменистана — охватив площадь в несколько сотен тысяч кв. километров (а с учетом проведенной аэрофотосъемки площадь исследованных территорий расширяется до 5 млн. гектар). Географически — это Южные Кызылкумы и Северные Каракумы, Прикаспийский регион, Восточное Приаралье, Низовья Сырдарьи и Амударьи. Но изначальным и основным интересом, «центром притяжения» и местом наиболее масштабных исследований на протяжении всей работы экспедиции был Хорезм.

Хорезм — это древний исторический регион Средней Азии, расположенный в оазисе на нижнем течении Амударьи (Окса) на территории современного Узбекистана (и автономной Каракалпакии) и Туркменистана. Здесь с древнейших времен зародилась и процветала своеобразная цивилизация, богатство и разнообразие которой основывались на сложных ирригационных системах

и ключевом местоположении Хорезма на трассах торговых караванных путей, в пограничной зоне контактов кочевого и оседлого населения. Земли древнего орошения Хорезма до сих пор представляют собой уникальное явление, где в пустыне прекрасно сохранились археологические памятники и остатки древних оросительных систем и ирригационных планировок. Хорезмом

интересовались многие выдающиеся ученые-ориенталисты. Так, В.В. Бартольд прекрасно понимал возможное значение археологических и этнографических материалов Хорезма для истории Средней Азии и подчеркивал, что изучение Хорезма, особенно в этнографическом отношении, представляло собой особый интерес, поскольку «...в окруженном пустынями Хорезме, как и в окруженной морями Англии, вся жизнь носила своеобразный уклад, и даже заимствованные извне черты обнаруживали особую живучесть» (Бартольд, 1963: 206). Трудно переоценить ту роль, которую сыграла Хорезмская экспедиция и С.П. Толстов в формировании современной исторической науки в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане, в создании археологических и этнографических школ среднеазиатского направления. Известный узбекский ученый академик Яхъя Гулямов, соратник и друг С.П. Толстова, оценивая огромный вклад Хорезмской экспедиции и его руководителя, писал: «Когда речь идёт об изучении древнего прошлого Узбекистана, вообще Средней Азии, нельзя не говорить об историке, археологе и этнографе, члене-корреспонденте АН СССР, докторе исторических наук, профессоре Сергее Павловиче. Собственно говоря, он, благодаря неутомимой деятельности и усердиям в открытии древних тайн далёкого прошлого, огромному вкладу в изучении истории Средней Азии, стал известным не только в Союзе, ну и как замечательный учёный получил мировое признание. Сергей Павлович, посвятивший свою сознательную жизнь науке, по-настоящему может быть достойным эталоном молодёжи в служении благородному делу нации... Среди повидавших мною экспедиций

не было такой дисциплинированной, энергичной и подвижной как Хорезмская экспедиция. Она была похожа на научно-исследовательский институт. В этой могучей экспедиции самые трудные работы С.П. Толстов сам первым начинал». Тяга и любовь С.П. Толстова к Средней Азии, к Хорезму объяснялась не только научными интересами, хотя именно интерес к загадочному Хорезму, к этому «среднеазиатскому Египту», по образному выражению самого Толстова, был причиной довоенных, довольно успешных, богатых на открытия, полевых сезонов. «Хлебный город» Ташкент во время войны принял и спас тысячи людей, эвакуированных из западных и центральных регионов Союза, охваченных войной. Значительная часть сотрудников гуманитарных академических институтов, в том числе ведущих ученых институтов истории, востоковедения, истории материальной культуры и др. из Москвы и Ленинграда, сосредоточилась в Ташкенте, образовав там «ташкентские группы» и продолжая научно-исследовательскую работу в тесном содружестве с учеными Узбекистанского филиала АН СССР (УзФАН), в 1943 году преобразованного в Академию наук Узбекской ССР. Там, в Ташкенте, куда Толстов приехал после ранения, полученного на фронте, он застал большинство своих сослуживцев — сотрудников ИИМКа (Института Истории материальной культуры), многих востоковедов, археологов, историков, этнографов из других академических институтов, а помимо них встретился вновь с давно знакомыми учеными Узбекистана, с которыми был связан научным сотрудничеством задолго до войны. Среди них ближе всех ему был Я.Г. Гулямов, начавший еще до Толстова

историко-археологические исследования в Хорезме. С 1938 г. он работал в составе Хорезмской археологической экспедиции ИИМК, организованной С.П. Толстовым, сдружился с ним и вскоре стал заместителем начальника экспедиции. Это был первый узбекский специалист-археолог; в 1942 г. он заведовал Отделом археологии в Узбекистанском филиале Академии наук (УзФАН). В 1942 году С.П. Толстов защитил в Ташкенте докторскую диссертацию по рукописи своего монументального труда, основанного на материалах предвоенных исследований в Хорезме, «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования». М.М. Рожанская (друг семьи Толстовых, многолетний участник Хорезмской экспедиции, известный историк науки) так отзывалась об этом труде и его авторе: «В сочетании с письменными источниками и этнографическими данными была подготовлена упомянутая диссертация, переработанная в книгу «Древний Хорезм», вышедшую в 1948 г. и получившую в 1949 г. Сталинскую премию (Государственная премия СССР). Объем проделанной работы и по масштабу, и по разнообразию источников на разных языках поистине фантастичен, и это поражало тех, кому приходилось в связи со своей научной и организаторской деятельностью иметь с ним дело. С. П. имел буквально фантастические лингвистические способности, что много способствовало исследованиям. В 60-х годах в беседах со мной известная арабистка, профессор МГУ и института Востоковедения Оде-Васильева говорила мне, что С. П. был лучшим из всех ее учеников за многие годы преподавания, а ведь он очень недолго имел возможность с ней заниматься» (Рожанская, 2013: 12, 13).

В том же 1942 году Президиум АН СССР назначил С.П. Толстова директором Института этнографии АН СССР, ему поручалось и создание новой Московской группы института, находившегося до этого в Ленинграде. В Ташкенте С.П. Толстов вместе с другими эвакуированными сюда учеными принял участие в разработке среднеазиатской тематики и в подготовке научных кадров для АН Узбекской ССР (Жданко, Рапорт, 1995). Одной из главных тем местных историков в эти годы была подготовительная работа к созданию первого обобщающего труда по истории узбеков и Узбекистана. В этой работе принимали участие и крупнейшие востоковеды и историки из Москвы и Ленинграда. После полной реэвакуации Института этнографии в Москву в 1945 году С.П. Толстов возобновил археологические работы в Хорезме и шире — в Приаралье. В послевоенные годы работы Хорезмской экспедиции развернулись на новой методологической основе и приняли большой размах. Это был поистине «золотой век» экспедиции. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций Советского Союза. Как писала М.А. Итина, ученица и соратник С.П. Толстова: «...он добился в те трудные времена огромной поддержки для своей экспедиции, как от центрального правительства, так и от местных властей Каракалпакской республики. Одновременно в разных районах Средней Азии работало по нескольку отрядов. В их распоряжении были самолеты, портативные электростанции, целые караваны специальных автомобилей» (Итина, 1997: 191). Пешие, автомобильные и авиа маршруты охватили всю территорию пустынных

земель древнего орошения в низовьях Амударьи — Древний Хорезм. Исследования проводились не только в дельте Амударьи, но и в низовьях Сырдарьи, восточном Прикаспии, на плато Устюрт и в центральных районах пустынь Кара-Кум и Кызыл-кум. Были исследованы самые знаменитые памятники в низовьях Амударьи и Сырдарьи, среди которых такие, как Топрак-кала, Кой-Крылган-кала, Джанбас-4, замки мертвых оазисов Правобережного Хорезма, могильники Тагискен и Уйгарак, Джетыаи-ские городища-крепости, «болотные городища» низовий Сырдарьи и др. С 1945 г. экспедиция была реорганизована в археолого-этнографическую, и стала одной из самых крупных и наиболее технически оснащенных археологических экспедиций Советского Союза. Комплексность экспедиции подразумевала не только работы этнографов. В полевых условиях научный коллектив включал представителей многих смежных профессий — рядом с археологами работали географы и геоморфологи (и среди них такой замечательный ученый, как Александра Семеновна Кесь), геодезисты и почвоведы, поскольку особое внимание уделялось изучению древних оросительных систем, старым руслам Амударьи и Сырдарьи, проблеме стока по Узбою, палеоклиматическим реконструкциям. Бесспорная заслуга С. П. Толстова — применение аэрометодов, беспрецедентное по своим масштабам в это время не только для нашей страны, но и для мировой археологии. Начиная с 1946 года и более 10 лет подряд вместе с ХАЭЭ работало несколько небольших самолетов системы ПО-2 гражданской авиации, приписанные к Нукусскому аэродрому. Созданный архив аэрофотосъемки (более 5000 снимков) до сих пор не имеет аналогов

в мировой археологической практике, научная ценность его колоссальна, т. к. с тех пор (т. е. с конца 40-х гг. прошлого столетия) большинство ландшафтов этого региона необратимо изменились. В 1952 г. в Хорезмской экспедиции был создан археолого-топографический отряд, руководителем которого долгие годы был Б. В. Андрианов. Основной задачей отряда стало изучение древних ирригационных систем. Работы археолого-топографического отряда развернулись на землях древнего орошения Приаралья площадью 5 млн. га от Саракмышского озера и Устюрта до средней Сырдарьи. В послевоенные и последующие годы работ ХАЭЭ сложился коллектив профессионалов, учеников С. П. Толстова, составивших впоследствии цвет археологической ориенталистики Советского Союза: М. А. Итина, А. В. Виноградов, Ю. А. Рапопорт, О. А. Вишневская, Б. И. Вайнберг, Е. Е. Неразик, Л. М. Левина, Р. Л. Садоков, М. Г. Воробьева, В. Н. Ягодин, С. К. Камалов, Л. Т. Яблонский, А. Н. Гертман, С. Б. Болелов.

Настоящий альбом, посвященный работам 1937–1959 гг., базируется на архиве ХАЭЭ, который насчитывает несколько десятков тысяч единиц хранения. Полевая документация работ экспедиции составила обширнейший архив, в настоящий момент хранящийся в Институте этнологии и антропологии РАН. Полученные в результате многолетних работ экспедиции материалы, содержащие, помимо археологических, антропологических и нумизматических коллекций, немало художественных предметов, образцов скульптуры и росписи, ювелирного искусства, древних арамейских, тюркских, арабских надписей и т. п., насчитывал свыше 3,5 миллионов единиц хранения. После научно-технической

обработки подавляющая масса коллекций была передана в музеи России и стран СНГ (например, в Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический Музей, Государственный Музей Искусства Народов Востока, Центральный Государственный Музей Истории Казахстана в городе Алма-Аты, Музей Истории Народов Узбекистана в городе Ташкенте, в Музей Народного Искусства в городе Самарканде, в Государственный Музей Искусств Кара-Калпакии, Хивинский музей-заповедник Узбекистана «Ичанкала», в Куля-Ургенчский музей-заповедник Туркменистана, в музеи городов Кызыл-Орда, Лисаконск, Ленинск (Байконур) Казахстана и многие другие). Документация, связанная с вышеуказанными передачами хранится как в Институте этнологии и антропологии РАН, так и в соответствующих музеях.

Архивные материалы включают полевые дневники исследователей, экспедиционные отчеты, чертежи, а также обширный иллюстративный материал: зарисовки, копии настенных росписей и рисунки находок, выполненных экспедиционными художниками, в том числе И.В. Савицким, Н.П. Толстовым, В.И. Пентманом, Г.М. Баевым. В состав архива входит отдельной структурой и фотоархив экспедиции, включающий негативы (пленочные и на стеклянных пластинах), позитивы (слайды), отпечатки, а также несколько тысяч кадров аэрофотосъемки. Таким образом, можно выделить следующие категории документации, представленные в архиве:

- альбомы с рисунками и комментариями к ним,
- карты и схемы,
- фотографии (более 30000 негативов, позитивов и стеклянных пластин),
- аэрофотосъемка (около 5000 снимков),

- описи негативов и альбомов,
- полевые дневники (археологические и этнографические),
- информационные формуляры (специальные карточки, содержащие фотографию, ее описание с указанием места, времени, названия экспедиции и отряда и автора фотографии),
- чертежи (полевые на миллиметровой бумаге и перебеленные на ватман и кальку),
- рабочие зарисовки и схемы, реконструкции,
- рисунки и живопись — пейзажи, виды памятников, «рабочие» натюрморты,
- копии живописи, рисунки скульптур,
- рисунки керамики и находок,
- таблицы,
- полевые отчеты,
- рукописи отчетов, статей и монографий,
- документация, связанная с организацией экспедиций (приказы, сметы, списки, акты и т.д.),
- документация, связанная с передачей находок в музеи,
- неофициальные рисунки и записи.

Далеко не все эти материалы были опубликованы, или же они были опубликованы в плохом разрешении. Некоторые из рисунков, записей и зарисовок обнаружены лишь в ходе недавних работ по архиву. Архив начал формироваться с первых же дней работ Хорезмской экспедиции т.е. с 1937 г. От довоенного периода в архиве не сохранилось полевых дневников (Института этнографии, московского его отделения, тогда еще не существовало). Но сохранились в довольно большом количестве фотографии ландшафтов и памятников, обследованных

в 1937–1940 гг., отдельные чертежи ключевых памятников, которые исследовались в этот период, полевые отчеты. Отчеты и материалы этих работ были опубликованы А.И. Тереножкиным, С.П. Толстовым, Я.Г. Гулямовым, С.А. Ершовым в нескольких десятках статей и напечатанных отчетов в различных научных профильных журналах и сборниках, а затем в 1948 г. обобщены и опубликованы в двух классических монографиях С.П. Толстова «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования» (М., изд-во МГУ) и «По следам древнехорезмийской цивилизации» (М.-Л., изд-во АН СССР). Наиболее ценным архивным материалом довоенного времени являются альбомы 1939 г., в которых находятся зарисовки, схемы, наброски, замеры и записи, выполненные самим С.П. Толстовым и его братом Н.П. Толстовым, бывшем многие годы экспедиционным художником. После войны, когда возобновились работы экспедиции, ведение полевой и камеральной документации было достаточно строго регламентировано, и вся документация, полученная в ходе полевых работ, включая фотографии, в обязательном порядке сдавалась в архив. В архив сдавались даже так называемые «личные» фото (бытовые, жанровые сцены, пейзажные съемки и т.д.), сделанные в ходе экспедиции, и многочисленные фотопортреты участников экспедиций, включая рабочих. В архив также сдавались и копии отчетов и описи, написанных уже в Москве по результатам полевого сезона. Учитывая, что полевой сезон в Хорезмской экспедиции длился несколько месяцев (иногда с мая по ноябрь) и работало одновременно несколько отрядов, можно представить огромный объем поступающих в архив материалов. Надо отметить,

что архив неоднороден по своему составу по разным критериям. Так, наименее документирован начальный этап экспедиции — 1937–1940 гг. Тем ценнее сохранившиеся материалы. Это, как уже было отмечено, фотографии, альбомы, отдельные чертежи и карта, составленная С.П. Толстовым по итогам работ первых лет, схематические глазомерные (большой частью) планы, карандашные зарисовки, замеры. Послевоенный период (и вплоть до конца 60-х гг. прошлого века) документирован наиболее полно, представлены практически все виды документов. Эта часть архива наиболее систематизирована и упорядочена. Это, скорее всего, объясняется тем, что был задействован мощный административный ресурс — С.П. Толстов был в это время не только руководителем ХАЭЭ, но и директором Института Этнографии АН СССР, таким образом, архивом занимались в течение всего года несколько человек. Сказывались организаторские таланты Сергея Павловича: жесткие требования к сдаче и публикации отчетов, и трудов экспедиции. Документация, связанная с работами экспедиции в 1970-х и 1980-х гг., также достаточно хорошо организована: в архиве находятся все дневники, чертежи и отчеты. Значительно меньше фотографий (рабочие фотографии, необходимые для публикации часто хранились у авторов раскопок в виде отдельного архива, бытовые и личные фото вообще не сдавались в архив). Сокращение материалов также объясняется и сокращением объема проводимых полевых исследований. Самый крупный массив архивных документов 1970–1990-х гг. связан с широкомасштабными работами, проводившимися Л.М. Левиной в урочище Джаеты-Асары (Казахстан), т.е. вне территории исторического Хорезма.

Самыми поздними документами в архиве являются отчеты С.Б. Болелова, который проводил археологические работы в рамках ХАЭЭ в 1996, 1997 годах на Хумбуз-тепе в Хорезмской области Узбекистана (см. приложение «Хроника работ ХАЭЭ» в настоящем альбоме).

Архив (особенно фотоархив) подвергался несколько раз систематизации еще при жизни С.П. Толстова. Составлялись описи имеющихся негативов, пленок и фотоальбомов. Поскольку несколько раз менялась система маркировки пленок и альбомов, так же, как и сам принцип поиска нужного кадра (то по описи пленок, то по описи кадров), последующая систематизация фотоматериалов была затруднена.

В 1996–1998 гг. в рамках проекта РГНФ (Е) № 96–0118039 «Банк данных по работам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии РАН 1937–1996 гг.» под руководством Л.М. Левиной (при участии Ю.А. Рапопорта, Е.Е. Неразик, С.Б. Болелова и А.Н. Гертмана) был подготовлен справочный материал, подводящий итог работ экспедиции за шесть десятилетий, включающий в себя полный объем информации о количестве, характере и местонахождении коллекций, полевой документации, хранящейся в архиве ИЭА РАН и публикациях. По разным причинам материал этот не был опубликован. Предлагаемая в настоящем альбоме «Хроника работ ХАЭЭ» — часть этого проекта.

В 2011–2014 гг. при поддержке немецкого фонда «Gerda Henkel Stiftung» был осуществлен проект AZ 16/ZA/11 «Conserving, Cataloguing and Digitizing the Archive of the Soviet Chorasman Expedition» под руководством И.А. Аржанцевой и при участии А.А. Тажекеева,

проф. Г. Херке, Е.А. Пшеничной, С.А. Авдусиной, С.А. Рузановой, М.Б. Лейбова. К сожалению, каталогизация и оцифровка практически не коснулась огромного фотоархива ХАЭЭ. Были оцифрованы и введены в электронную базу данных в основном документы, связанные с археологической полевой фиксацией: чертежи, рисунки керамики и находок, карты, полевые дневники, часть аэрофотоснимков.

Для публикации отобраны архивные иллюстрации, представляющие разные типы архивной документации и отражающие разные периоды и аспекты деятельности ХАЭЭ. Архивные документы и фото представлены в нескольких разделах.

1. Археология:
 - 1.1. Начальный этап (1937–1940 гг.);
 - 1.2. Основной этап (1945–1970-е гг.); начало применения аэрофото съемки, комплексных методов исследования;
 - 1.3. Заключительный этап (1970–1990-е гг.).
2. Этнография.
3. Галерея участников.
4. Приложение — хроника работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

Материалы предполагается разделить на два тома, ввиду невозможности представить все в одном томе с ограниченным объемом. Таким образом, в первом томе представлены материалы с 1937 по 1959 гг. с перерывом на войну, когда работы не велись:

- из раздела «Археология»: «Начальный этап» — 1937–1940 гг.;
- из «Основного этапа»: начало применения аэрометодов, материалы

С. П. Толстов. 1954 г.
Сарыкамышский маршрут.
Эта фотография была
сделана в 1954 году
в ходе Сарыкамышского
маршрута (Туркменистан)
фотографом экспедиции
Г. А. Аргиропуло.
По словам участников,
фотография была
сделана после удачной
охоты на уток или дроф.
В оригинале Сергей
Павлович держит
в руках «трофеи».
Но для публикации
и официального фото,
фотография была слегка
«подправлена» и добыча
отрезана.

по работам на Топрак-кале (1945–1950 гг.), Джанбас-кале (1945–1946 гг.), Кой-Крылган-кале (1951–1957 гг.) и Уральско-Устюртского маршрута (1950 г.);

- из раздела «Этнография» — работы в Каракалпакии 1946–1959 гг.;
- приложение «Хроника работ Хорезмской экспедиции» — за весь период.

Во втором томе будут представлены материалы, связанные с работами экспедиции в Узбекистане (Беркут-калинском и Кават-калинском оазисах), Казахстане (Джетыясарское урочище, Чирик-рабат, Инкардарьинский маршрут,

могильники Тагискен и Уйгарак), Туркмении (по трассе туркменского канала, по Узбою и в Саракамышской впадине, в Куня-Ургенче), этнографические работы 50–60-х гг. других регионов Хорезма, галерея участников, реалии экспедиционного быта и позднейшие работы экспедиции.

Формат настоящего альбома не позволяет описать и проиллюстрировать все исследовательские работы ХАЭЭ, так же, как и невозможно опубликовать весь архив в одном издании. В каждом разделе представлены наиболее яркие материалы, связанные с самыми известными и значимыми работами экспедиции. Помимо материалов, иллюстрирующих профессиональную деятельность экспедиции (фото и зарисовки памятников, раскопов, находок, записей и рисунков из полевых дневников, чертежей, этнографических съемок и описаний), в альбом помещены фотографии, отражающие быт экспедиций, показывающие рабочие моменты, портреты участников и окружающие ландшафты. Наиболее выразительны фотографии 1940–1960-х гг., передающие дух послевоенной эпохи и атмосферу «оттепели». Каждый из разделов сопровождают фотографии ландшафтов того периода, что представляет также особый интерес для специалистов, т.к. многие из этих ландшафтов претерпели значительные изменения либо утрачены совсем. Кроме того, в альбом помещены неофициальные рисунки, обнаруженные в ходе работ над архивом, часто на оборотной стороне страниц дневников или альбомных листов, карикатуры, наброски и т.д. с комментариями и без. Для составления описаний, подписей и комментариев к фотографиям и иллюстрациям использовались архивные записи, отчеты, записи из полевых

дневников, публикации (книги и статьи), воспоминания участников, опубликованные и устные.

Архивные фотографии и документы, помещенные в альбом, большей частью не публиковались ранее. Некоторая часть фотографий была опубликована очень давно, часть хорошо известна и растиражирована в публикациях и интернете, но мы сочли нужным поместить их здесь как часть архива. Многие архивные фото публикуются с архивными номерами и маркировкой.

Архивные фотографии были обработаны и подготовлены к публикации М. Б. Лейбовым, им же были сделаны новые фотографии многих находок, хранящихся в настоящий момент в кабинете-музее С. П. Толстова в ИЭА РАН. Я также выражаю благодарность заведующему архивом ИЭА РАН Д. А. Ваддору за его помощь в работе с архивом.

Мы не могли обойтись без самого известного фото С. П. Толстова в казачьем обличье.

По воспоминаниям друзей и коллег Толстов никогда не скрывал своего казачьего происхождения. Отсюда и любимый синий китель, и азарт на охоте, и усы. «...в личном листке по учету кадров, в графе «6» (социальное происхождение) Сергей Павлович ставит — казак¹. Вне всякого сомнения, он гордился таким происхождением, да и выглядел, особенно в экспедиции, как казачий командир. В низовьях Амударьи с давних времен обитали потомки непокорных казаков — уральцы. Как-то двое из них, наши рабочие, встречали вместе с другими прилетевшего из Москвы Сергея Павловича. Едва он появился на трапе, они в один голос воскликнули: «Да он из наших!» (Жданко, Рапопорт, 1995: 63).

¹ С. П. Толстов происходил из известного рода уральских казаков. Его отец был казачьим полковником, а дед — Сергей Евлампиевич — дослужился до высшего генеральского чина. Казачьими офицерами были и все четверо сыновей Сергея Евлампиевича (Рапопорт, Семенов, 2004: 185).